

М.Ю. Чепурина

ТЕРМИДОРИАНЕЦ КАМИЛЛ БАБЁФ И ЕГО ЧИТАТЕЛИ

Термидорианский период в идейной биографии Бабёфа всегда казался историкам довольно необычным и не слишком «удобным» для изучения, особенно – историкам левой ориентации. Как могло случиться, что Народный трибун, вожак санкюлотов, бывший герой революции в Пикардии и будущий основатель первой в истории коммунистической «партии» примкнул к стану термидорианцев? Как объяснить и как оценить его несомненное, доказанное множеством источников, сотрудничество с Ж.-Л. Тальеном, Л.-С. Фрероном, и Ж. Фуше? Как оправдать его нападки на якобинцев и Робеспьера: ведь Неподкупный и Трибун народа на равных вошли в пантеон великих революционеров, далеких предшественников российского большевизма как «гаранты» его исторической легитимации? Не бросает ли их «размолвка» тень на дело последователей? На протяжении полутора веков – с момента выхода в свет работы В. Адвелья ученые бились над этими вопросами. Практически в любой из биографий Бабёфа те главы, где речь идет об осени 1794 г., едва ли не самые интересные во всей книге: даже наиболее традиционно мыслящим авторам приходится проявлять оригинальность, придумывая, как объяснить дружбу первого коммуниста с «контрреволюционными элементами».

По мнению Адвелья, Бабёф сделался термидорианцем и напал на робеспьеристов, пока не счел, что те, кто их сверг, желают гибели республики¹. По мнению М. Домманже, под влиянием событий Террора в Бабёфе проснулся сентиментализм,

Мария Юрьевна Чепурина, аспирантка Института всеобщей истории РАН.

¹ *Advielle V. Histoire de Gracchus Babeuf et de babouvisme. P., 1844. T. 1. P., 1990. P. 113.*

желание возродить «истинную революцию», в этот момент он – и революционер, и контрреволюционер одновременно: «в общем, ошибочная позиция»². В новом издании этой же книги историк уточнил: «После падения Робеспьера Бабёф, без сомнения, впал в термидорианскую ошибку, он смешал Робеспьера с террором. Но это осуждение Неподкупного было сделано с такими оговорками, что трудно ошибиться насчет его сущности. Ясно, что оно было временным заблуждением»³. В схожем духе высказался один из первых советских исследователей бабувизма А.Г. Пригожин: «Если рассмотреть те положительные стороны, которые, по мнению Бабёфа, имел режим Робеспьера, то они вполне превышают, даже с точки зрения Бабёфа, его отрицательные стороны. Но Бабёф либо боится это признать, либо у него не хватает смелости сделать логический вывод из своих рассуждений»⁴.

Поклонник Робеспьера А. Матьез был беспощаден к Трибуну народа, окрестив его анархистом, подстрекавшим народ к восстанию, вожакom «золотой молодежи» и наивным агитатором термидорианцев, которому хоть и платили, но мало⁵. «Банальным антиякобинцем, подхваченным общим потоком», – человеком, которому «только предстоит проделать путь от формальной демократии к революционной диктатуре», назвал Бабёфа П.П. Щеголев в своей книге 1927 г.⁶ Шестью годами позже он пересмотрел эту позицию: теперь Трибун народа оценивался Щеголевым лишь как попутчик термидорианцев, разделявший с ними только тактические лозунги и осуждавший Неподкупного за то, что тот был недостаточно радикален⁷.

Интересные замечания об историографии Бабёфа-термидорианца мы находим у Ж. Вальтера. Исследователи, считал он, «затратили много усилий, чтобы доказать, что Бабёф никогда не был решительным противником Робеспьера и что несколько притворных выпадов против него, сделанных на следующий день после 9 термидора, ничего не значат»⁸. В стремлении доказать «верность» своего героя робеспьеризму некоторые авторы, по словам Вальтера, даже прибегали к искажению источников: так, два историка во фразе Бабёфа «Робеспьер, чья память вызывает

² *Dommanget M.* Babeuf et conjuration des Egaux. P., 1922. P. 14.

³ *Домманже М.* Бабёф и заговор равных. М., 1925. С. 63.

⁴ *Пригожин А.Г.* Грахх Бабёф – провозвестник диктатуры трудящихся. М., 1925. С. 64.

⁵ *Mathiez A.* La réaction thermidorienne. P., 1929. P. 89-96.

⁶ *Щеголев П.П.* Заговор Бабёфа. М., 1927. С. 65, 92.

⁷ *Щеголев П.П.* Грахх-Бабёф. М., 1933. С. 40, 51.

⁸ *Walter G.* Babeuf et la conjuration des égaux. P., 1937. P. 96.

справедливую ненависть», заменили слово «справедливая» на «несправедливая». К сожалению, их имен Вальтер не назвал. Сам он считал, что Бабёф находил у Робеспьера две ипостаси: прежде всего – революционер и лишь потом – диктатор. Такая позиция, по мнению, Вальтера, оставляла Трибуну народа определенное поле для маневра⁹.

По мнению норвежского историка К. Тённесона, борьба после 9 термидора разворачивалась не только между якобинцами и сторонниками реакции. Лагерь было не два, а три: третьим, в который входил и Бабёф, следует считать тех, для кого падение Робеспьера означало путь к установлению санкюлотской демократии¹⁰.

К. Мазорик в своей монографии 1962 г. не слишком задержался на термидорианском периоде жизни Бабёфа, ограничившись лишь порицанием его «наивности» и «близорукости», которые «дезорганизовали народные массы»¹¹.

В.М. Далин в предисловии к изданию сочинений Бабёфа подчеркивал кратковременность его термидорианского «заблуждения» и, вслед за Вальтером, высказывал мысль о двойственности восприятия Робеспьера Трибуном народа. Изучая фонд 223 Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма (ныне – Российский государственный архив социально-политической истории), Далин установил, что именно в термидорианский период Бабёф читал и конспектировал «Цепи рабства» Марата и «Письма к избирателям» Робеспьера, что, в глазах советского историка, его тоже некоторым образом «оправдывало»: «А. Матъез не заметил или не оценил в должной мере того факта, что с самого начала своего возвращения к политической деятельности Бабёф занял совершенно отчетливую *самостоятельную* позицию на самом крайнем, подлинно демократическом фланге»¹².

Самостоятельность Бабёфа, непринадлежность его ни к каким термидорианским группам, отмечала и Г.С. Черткова¹³. Она акцентировала внимание на расхождениях в оценке роли Робеспьера правыми термидорианцами и Бабёфом, на различии

⁹ Ibid. P. 96-98.

¹⁰ *Tønneson K.* L'an III dans la formation du babouvisme // AHRF. 1960. № 162. P. 411-425.

¹¹ *Mazauric C.* Babeuf et la conspiration pour l'égalité. P., 1962. P. 19-20.

¹² *Далин В.М.* Бабёф в 1794-1795 гг. Факты и идеи // Бабёф Г. Сочинения. Т. 3. М., 1977. С. 8.

¹³ *Черткова Г.С.* Грахх Бабёф во время термидорианской реакции. М., 1980. С. 48-49.

их взглядов относительно частной собственности и на том, что свобода торговли и отмена реквизиций были лозунгами не только новой буржуазии, но и Электорального клуба¹⁴. «Даже те идеи, которые в этот период сближали его (Бабёфа – М.Ч.), по видимости, с правыми термидорианцами – ненависть к диктатуре, антиякобинизм, борьба за свободу печати и т.п. – были широко распространены и среди представителей крайне левых, плебейских течений», – писала она¹⁵.

Американский историк Р.Б. Роуз высказал интересное предположение о том, что Бабёф в действительности никогда и не симпатизировал якобинцам: до термидора он просто не участвовал в большой политике, а в 1796 г. стал хвалить Робеспьера только для того, чтобы привлечь на свою сторону его бывших союзников¹⁶.

Промежуточный итог разнообразным истолкованиям причин странного союза Трибуна народа с термидорианцами подвел Ж.-М. Шьяппа: «Незнание, вызванное изоляцией в тюрьме? Глубокая ненависть к насилию?.. Крайне настороженное отношение к Робеспьеру?.. Иллюзии насчет термидорианцев? Все эти объяснения отчасти верны. Бабёф будет пламенным и искренним антиробеспьеристом, пока не скорректирует свою позицию в прогрессивную сторону и, в конце концов, не перейдет к ее защите на Вандомском процессе»¹⁷.

Сегодня, когда Бабёф больше не расценивается как предтеча существующего в нашей стране политического режима, а рассматривается просто как один из ярких деятелей французской истории, мы можем взглянуть на период его термидорианских «заблуждений» по-иному, не оправдывая и не обосновывая отличие его позиции от позиций Фуше и Тальена. Ряд писем читателей к Бабёфу как редактору *Journal de la liberté de la presse* («Газеты свободы печати»), обнаруженные мною в фонде 223 РГАСПИ, быть может, помогут несколько расширить наши представления о политических взглядах Бабёфа сентября–

¹⁴ Там же. С. 29, 37, 45. Электоральным клубом называли народное общество, заседавшее в помещении Епископства, где собирались парижские выборщики (*électeurs* – отсюда и название). После 9 термидора оно объединяло наиболее радикальных деятелей секционного движения. В тот период Бабёф был одним из вожаков клуба.

¹⁵ Чепткова Г.С. Указ. соч. С. 47.

¹⁶ Rose R.B. Gracchus Babeuf. The First Revolutionary Communist. Stanford, 1978. P. 158.

¹⁷ Schiappa J.M. Gracchus Babeuf avec les Egaux. P., 1991. P. 78.

октября 1794 г. – того периода, когда он был известен широкой читающей публике еще не как Гракх, а как Камилл¹⁸. В этой статье я рассмотрю воззрения Бабёфа на феномен общественного мнения, понимание им свободы слова, его взаимоотношения с читателями газеты.

* * *

Уже само по себе название издававшейся с 3 сентября 1794 г. Бабёфом при поддержке депутата Конвента А.Б.Ж. Гюффруа «Газеты свободы печати» достаточно красноречиво говорит о тогдашних взглядах и приоритетах будущего коммуниста.

Позволю себе не согласиться с П.П. Щеголевым, считавшим идею свободы слова всего лишь атрибутом «формальной демократии». Свобода печати была для Бабёфа не абстрактным идеалом или самоценным принципом (который, впрочем, стал весьма актуальным после опыта якобинской диктатуры), но и средством реальной политики. Бабёф требовал, чтобы возможность свободно выразить свое мнение была обеспечена не только публицистам и интеллектуалам, но и всем гражданам Французской республики. Идея общественного мнения как идеального контролера, нового правителя, воплощения народного суверенитета и никогда не ошибающейся инстанции возникла задолго до Революции и была одним из столпов французского Просвещения. Вдохнув в нее новую жизнь, Бабёф начал первый номер своей газеты словами: «Я открываю трибуну для того, чтобы отстаивать права печати. Я устанавливаю центр, вокруг которого объединится батальон ее защитников»¹⁹.

Словосочетание «общественное мнение» стало одним из наиболее часто встречающихся на страницах этой газеты. Так, например, двенадцатый номер от 18 сентября 1794 г. (4 санкюлотиды II года, праздник Мнения) больше чем наполовину был посвящен этому явлению. Бабёф писал: «Учреждая праздник Общественного мнения, законодатель, несомненно, надеялся, что, если этот верховный защитник свободы и счастья народов будет когда-то ущемлен или забыт, то, по крайней мере, в день, когда

¹⁸ В начале революции Франсуа-Ноэль Бабёф взял себе имя Камилл в честь древнеримского полководца. С 1793 г. он стал именоваться Гракхом, однако номера «Газеты свободы печати» продолжал подписывать «К. Бабёф». Лишь переименовав газету в «Трибун народа», Бабёф окончательно объявил себя «Гракхом», сообщив в пространном комментарии, посвящённом смене имени, что разочаровался в прежнем «патроне». См.: *Бабёф Г. Сочинения*. Т. 3. М., 1977. С.135-138.

¹⁹ *Бабёф Г. Сочинения*. Т. 3. М., 1977. С. 30.

французские республиканцы воскурят фимиам у его пьедестала, они будут вынуждены вспомнить, что должны за него отомстить, ...грозный голос общественного мнения должен постоянно подыматься против любой узурпации прав народа»²⁰. Далее он перечислял, что, на его взгляд, надлежит сделать врагам народа, дабы удержаться у власти, и добавлял: «Если же им не удастся достигнуть одновременно всех этих успехов, общественное мнение будет полностью обо всем осведомлено, и они погибнут»²¹. Неделю спустя Бабёф открыл восемнадцатый номер эпитафии: «Сила общественного мнения и сила народа – одно и то же»²².

Впрочем, взгляд Бабёфа на общественное мнение отнюдь не тождественен соответствующим представлениям видных философов Просвещения. Вот, например, что писал на сей счет П.А. Гольбах: «Общественное мнение может обычно стать надежным мериллом для тех, кто управляет обществом»²³. Ламуаньон де Мальзерб трактовал данный феномен как «суд, который определяет истинную ценность всех талантов»²⁴. К характеристике этого «суда» Кондорсе добавлял эпитеты «разумный и справедливый»²⁵. Среди философов Просвещения было довольно распространено убеждение, что общественное мнение не может быть слепым, не может ошибаться, как не может быть ошибочной и воля народа. И хотя порою высказывались иные точки зрения – Ж.Ж. Руссо, например, полагал, что общественное мнение («воля всех») может заблуждаться, не совпадая с объективно существующим общественным интересом («общей волей»), – они, однако, не пользовались широкой популярностью.

События Французской революции опровергли прежние, излишне оптимистичные надежды на общественное мнение. О возможности манипулировать им Бабёф заговорил одним из первых в термидорианский период, заявляя о существовании «дурных людей», способных помешать народу в осознании его истинных интересов. Так, 13 сентября 1794 г. Бабёф писал: «Главные агенты [представители – М.Ч.] народа оказывали постоянное воздействие на общественное мнение, руководя им в

²⁰ Там же. С. 86.

²¹ Там же. С. 87-88.

²² Там же. С. 114.

²³ Гольбах П.А. Естественная политика, или беседы об истинных принципах информации // Гольбах П.А. Избранные произведения Т. 2. М., 1963. С.363-264.

²⁴ Цит. по: Шартье Р. Культурные истоки Французской революции. М., 2001. С. 41.

²⁵ Там же. С. 43.

обществе, задавая тон всем остальным»²⁶. День спустя он развил эту мысль: «Опыт нашей революции ясно показал, что мнение данного момента никогда не является правильным, и это не потому, что народ не способен собственными средствами прийти к правильному мнению, а потому, что ему никогда не оставляют его собственного мнения и что среди тех, кто правит, наиболее честолюбивые постоянно применяют особую тактику, чтобы подsunуть народу мнение или сочинение, выгодное единственно тому, кто его направляет, и всегда вредное для народа»²⁷. Далее Бабёф прямо назвал своих врагов «манипуляторами общественным мнением» и «регуляторами общественного духа»²⁸.

В семнадцатом номере 26 сентября 1794 г. автор развил мысль о способах введения публики в обман: «Граждане, Комитет общественного спасения никогда не давал верного отчета о вашем внутреннем положении... Победы постоянно поглощали внимание неразмывляющей части народа»²⁹. Признавал Бабёф и существование людей, меняющих, «подобно хамелеону, свои взгляды под воздействием пропаганды горстки пожиряемых честолюбием регуляторов общественного мнения»³⁰. Еще один выпад против этих «регуляторов» мы видим в номере одиннадцатом – сатирическое объявление, намекающее на приходящие в Конвент послания из провинций с жалобами на притеснения якобинцев (Бабёф, и не он один, полагал, что письма фабрикуются в Париже): «Требуется человек, умеющий составлять в нужном жанре обращения к Конвенту для рассылки их по департаментам...»³¹.

Бабёф заявлял о том, что намерен вернуть к жизни настоящее, истинное общественное мнение и подлинное народовластие: «Закон есть выражение общей воли; этому принципу, который тираны хотели придать тлению, мы вернем румянец раннего возраста, свежесть, свойственную ему в первые годы революции»³². Если для просветителей носителем мнения была прежде всего просвещенная публика, то для Бабёфа это – весь народ, по крайней мере, та его часть, что готова участвовать в общественно-политической жизни. «Я призываю каждого из

²⁶ Бабёф Г. Сочинения. Т. 3. С. 60.

²⁷ Там же. С. 62.

²⁸ Там же. С. 62, 63.

²⁹ Там же. С. 111.

³⁰ Там же. С. 52.

³¹ Там же. С. 85.

³² Там же. С. 57.

вас помочь мне материалами», – обратился он к читателям в завершение первого номера своей газеты³³. Следующий ее выпуск содержал своего рода программное заявление: «Эта газета – великая книга, открытая для всех истин; это почтовый ящик для всех охранителей родины и политическая трибуна для свободных и энергичных людей, друзей принципов. Поэтому мы приглашаем всех добрых граждан посылать по этому же адресу сообщения, письма и документы, которые они сочтут полезными...»³⁴ Соответствующие объявления будут появляться почти в каждом номере его издания. «Это подлинно общественная газета, поскольку в ней сотрудничают все добрые граждане, которые того пожелают», – отметит публицист в четвертом номере³⁵.

Бросив клич к народным публицистам во втором номере, Бабёф объявил, что отныне его газета будет делиться на две части и первую из них, озаглавленную «Температура общественного мнения», он полностью отведет под письма читателей³⁶. Однако содержание следующих номеров несколько отличалось от того, что можно было ожидать после такого заявления.

Третий номер действительно открывался заголовком «Температура общественного мнения», после чего шли пространные рассуждения Бабёфа о безуспешности поисков врагов народа и о множестве прекрасных писем, присланных в ответ на призыв. Тем не менее опубликовано было лишь одно из них под заголовком «Рассмотрение вопроса о том, совместима ли свобода печати с революционным правительством». Любопытно, что от редакторского текста письмо отделено лишь кавычками: при беглом просмотре оно не воспринимается как нечто отличное от тех абзацев, что были написаны самим Бабёфом. Нет ни слова и об авторстве этого послания³⁷.

Четвертый номер тоже открывался вышеупомянутым заголовком, казалось, предвосхищающим публикацию писем с мест, однако на деле вниманию читателей не было предложено ни одного из них. Всю рубрику на сей раз занимал монолог самого Бабёфа, а «глас народа» звучал лишь в пересказе редактора: «Я очень доволен тем, что придумал “почтовый ящик для истин”. Он доставляет мне столько материалов, что я испытываю только

³³ Там же. С. 37.

³⁴ Там же. С. 41.

³⁵ Там же. С. 47.

³⁶ Там же. С. 42.

³⁷ Там же. С. 42-44.

затруднение в выборе, и моя газета в первой части оказывается готова сама собой»³⁸. Заявление довольно странное, если учесть, что писем от читателей в номере нет вообще.

Впрочем, вторая половина четвертого номера, озаглавленная «Раздумья мыслителя о свободе печати», начинается словами «Я пользуюсь приглашением, содержащимся в твоём 2-м номере...» и т.д.³⁹, из чего можно заключить, что это, очевидно, письмо одного из читателей. Но чье именно? Фамилии автора редактор снова не указал: в конце письма, совпадающем с окончанием всего номера, стоит обычное «К. Бабёф». Эти «Раздумья мыслителя» будут с перерывами публиковаться на протяжении нескольких последующих номеров, пока не завершатся в девятом. Но и здесь имени автора письма нет: если, конечно, это на самом деле письмо.

Что касается рубрики «Температура общественного мнения», то в пятом и шестом номерах под ней вновь помещены тексты самого Бабёфа, а начиная с седьмого номера она и вовсе исчезает.

Первое подписанное письмо в редакцию появилось только в восьмом номере, и принадлежало оно перу некоего Ведере⁴⁰. Далее мы еще вернемся к этому корреспонденту.

В номере двенадцать вновь было опубликовано письмо без указания автора. Комментаторы русского издания этого текста предположили, что эпистолярная форма служила лишь художественным оформлением очередной заметки самого Бабёфа⁴¹. Полагаю, что гипотеза не лишена оснований: такие же подозрения закрадываются и при ознакомлении со многими другими безымянными письмами, опубликованными в «Газете свободы печати». Следующий аналогичный текст, тоже не подписанный и разделённый на части несколькими подзаголовками, появился в четырнадцатом номере: здесь непонятно даже, идет ли речь об одном письме или о нескольких, опубликованных подряд друг за другом⁴².

Чем объяснить столь небрежное отношение к «авторским правам»? Вероятно, самим замыслом газеты и тем, что понимал Бабёф под общественным мнением. Он, очевидно, просто не видел никакой разницы между собственными текстами и текстами своих

³⁸ Там же. С. 47.

³⁹ Там же. С. 50.

⁴⁰ Там же. С. 66-70.

⁴¹ Там же. С. 88.

⁴² Там же. С. 96-100.

единомышленников из числа читателей, поскольку в рамках его представлений о единой народной воле авторство той или иной заметки не имело особенного значения: достаточно было того, что ее написал патриот-республиканец. Вероятно, такими же соображениями руководствовались и те его многочисленные читатели, кто либо не подписывал своих посланий Бабёфу, либо подписывался одной-двумя буквами, либо прямо оговаривал, что полностью уступает редактору права на свое сочинение.

Не исключено также, что малое количество опубликованных Бабёфом писем, особенно в первых номерах, обусловлено низким литературным качеством, а то и просто элементарной безграмотностью присылавшихся ему текстов, вторичностью содержащейся в них информации. Во всяком случае, на эту мысль наводит знакомство с теми из писем читателей Бабёфу, что хранятся ныне в РГАСПИ. Логично предположить, что в силу ограниченного размера издания и не слишком высокой информативности большинства посланий Бабёф предпочитал давать просто краткое резюме настроений, выраженных в общем массиве писем.

Отождествлял ли он себя в мировоззренческом плане со своими читателями? Меняла ли приходящая в газету корреспонденция его собственные взгляды, в частности, на феномен общественного мнения? Ответ я попробую дать в конце статьи.

* * *

Перейдем теперь собственно к письмам читателей, присланным в «Газету свободы печати». В оригинале их до нас дошло всего лишь двенадцать – в фонде 223 РГАСПИ. Десять посланий включены в опись корреспонденции Бабёфа, а два находятся среди его собственных документов, поскольку содержат пометки, сделанные его рукой. Еще пятнадцать писем сохранились благодаря публикации в газете. К сожалению, не все из них составители собрания трудов Бабёфа на русском языке сочли достаточно интересными для включения в это издание. С опубликованными Бабёфом посланиями читателей, не вошедшими, однако, в четырехтомник 1975-1982 гг., я знакомилась по репринтному изданию «Газеты свободы печати» 1966 г.

Логично было бы рассматривать присланные Бабёфу письма в хронологическом порядке, но это не представляется возможным: далеко не все они датированы, касательно большинства из них

понятно лишь, что они относятся к сентябрю–октябрю 1794 г. Да и сам Бабёф почти никогда не датировал публикуемые им письма. Поэтому мы будем рассматривать их в соответствии с тематикой и жанровыми особенностями.

Все сохранившиеся письма можно условно разделить на четыре неравные группы.

Первая – традиционные «письма в редакцию», отзывы и пожелания автору газеты. Эта категория немногочисленна, она включает всего два документа: Бабёф призывал, прежде всего, присылать ему тексты для публикации, а послания подобного рода для таковой не предназначались.

Начнем с самого короткого письма редактору. Написанное на клочке бумаги, оно столь лаконично, что приведу его здесь целиком: *«Прошу тебя рассмотреть в одном из ближайших номеров следующий вопрос. Когда трепещущий якобинец кричит: “Спасите родину!” не похож ли он на убийцу, который, придя в ужас от своего преступления, тщетно пытается спасти жертву и зовет врача? П.Д.»*⁴³. Очевидно, какой-то единомышленник «Аттилы робеспьеристов» (как тогда называли Бабёфа) выделил пару минут для того, чтобы подкинуть своему любимому публицисту новое хлесткое выражение.

Чуть более многословным был читатель, подписавшийся *L.j.d.C.* Он 25 сентября 1794 г. попенял Бабёфу за то, что тот недостаточно глубок и недостаточно радикален: *«Заглушать крики мятежников и наемных шавок, показывать пальцем на корыстных людей во фракциях – это, бесспорно, славные и полезные дела. Но для общей пользы нужно раскрыть всем республиканцам глаза на комитетскую олигархию, рассказать им о ее зарождении, росте, временных болезнях, выздоровлении и восстановлении со всеми данными ей средствами»*⁴⁴. К этому добавлялись пожелания проявлять больше проницательности и ничем не пренебрегать для достижения своей цели.

Вторая категория писем – информационные. Это – послания

⁴³ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 2. Д. 546. В оригинале: «Citoyen Rédacteur, je te prie d'insérer dans un des tes prochains numeros la question suivante. Lorsqu'un jacobin tremblant crie: vite au secours de la patrie!... n'est il pas comme un assassin, qui dans leffroi qui suit le crime, en vain pour sauver sa victime appellerait un medecin? P.D.».

⁴⁴ Там же. Д. 544. В оригинале: «Etouffer les cries seditieux des aboyeurs stipendiés, personaliser les interessés aux factions sont sans contredit des ouvres glorieuses et utiles, mais pour le Biengeneral il faut convaincre tous les republicains de l'oligarchie comitiale, leur decouvrir son berceau, son accroissement, ses maladies temporaires, sa convalescence et sa recurrence avec les remedes qu'en lui a donnees – il faut, sans oublier les personages, anticiper... vous est trop familier... il ne faut negligier aucun moyen de l'operer tout entier».

граждан, взявших на себя роль бесплатных репортеров «Газеты свободы печати»: отчеты, впечатления, жалобы. Подобные тексты либо непосредственно предназначались для публикации, либо выступали источником сведений, которые затем находили отражение в статьях самого Бабёфа. В нашем распоряжении четыре документа подобного рода.

Написанное вполне грамотно (редкость!), чётким устоявшимся почерком послание секретаря Клуба кордельеров Дюфюра (Dufur) не выражает каких бы то ни было субъективных взглядов или частных мнений: Дюфюр без каких-либо комментариев переслал Бабёфу отчет о заседаниях клуба за 20–21 сентября 1794 г. Содержание отчета – речь идет о переносе в Пантеон праха Марата и произнесенных в связи с этим речах – не имеет прямого отношения к теме настоящей статьи. Интересен вопрос: были ли подобные посланки от кордельеров регулярными? Отсутствие комментариев к отчету и объяснений причин его отправки к Бабёфу косвенно свидетельствуют о том, что подобные послания Дюфюра в «Газету свободы печати» были в порядке вещей⁴⁵.

Совсем иное – экспрессивное, яркое и, увы, безграмотное письмо от правителя редактору «Газеты свободы печати» безымянная санкюлотка из городка Дурдан под Парижем. Женщина жаловалась на некоего Супа (Soupe), генерала-якобинца, который бесчинствовал в ее коммуне, проводя массовые аресты и устраивая варварские реквизиции. В завершение санкюлотка выражала желание, чтобы ее обидчик был изобличен в газете. Конвент в рассказе женщины выступает как единое лицо и, вероятно, выполняет в ее представлении ту роль, которая раньше отводилась «доброму королю»: корреспондентка не сомневается, что, узнав о дурном поведении Супа, он *«не замедлит спровадить этого деревенщину и хорошенько ему наподдать»*⁴⁶. Этот интересный документ полностью публикуется ниже.

Отметим, что послание санкюлотки сохранилось в архиве как приложение к незаконченной (вернее, едва начатой) статье Бабёфа. Очевидно, он планировал поместить его в газете. До нас дошел листок с заголовком «Продолжение документов о якобинцах, обещанных в № 16» и переписанными Бабёфом из этого письма несколькими начальными предложениями, причем без каких-либо исправлений тех многочисленных грамматических

⁴⁵ Там же. Д. 549.

⁴⁶ Там же. Оп. 1. Д. 260.

ошибок, которые допустила корреспондентка. Очевидно, он считал недопустимым править, «цензурировать» чужой текст.

Почему же письмо так и не появилось в газете? Вряд ли Бабёф просто *не успел* его опубликовать: оно было написано 18 сентября, а последний, двадцать седьмой номер вышел 13 октября, то есть до того, как возникли проблемы с выпуском газеты, у Бабёфа имелось еще достаточно времени. Возможно, ограниченный объем издания заставил редактора отдать предпочтение другим, более важным для него материалам, например, документам Электорального клуба.

Еще два письма, которые можно отнести к категории информационных, были опубликованы Бабёфом. Первое принадлежало перу «Республиканца *М:у:т*» и сообщало о настроениях в Бельгии. Автор докладывал о высочайшем патриотизме жителей Гента (отметим, что текст адресован не Бабёфу, а его издателю Гюффруа)⁴⁷. Второе письмо, принадлежащее перу А. Жалла, было посвящено состоянию дел в Ренне. По словам автора, во времена якобинцев город «оплакивал свою свободу», но прибытие представителя термидорианского Конвента «предшествовало возвращению счастья»⁴⁸. Возможно, решающим аргументом в пользу публикации обоих писем послужило именно то, что они пришли издалека. Показывая, что его газету читают не только в столице, но и далеко за ее пределами, Бабёф поднимал авторитет своего издания. Примечательно, что письмо Жала, единственное из опубликованных, было датировано – 12 вандемьера. Учитывая, что номер вышел 19 вандемьера, мы можем получить некоторое представление о сроках рассмотрения Бабёфом поступившей к нему корреспонденции.

Письма третьей, самой многочисленной категории условно назовем публицистическими. Сюда входят тексты, претендующие на статус статей и содержащие какие-либо авторские комментарии по актуальным вопросам. Такие письма присылались не для того, чтобы просто известить о чем-либо редактора газеты, а именно для опубликования. Некоторым из них предпосланы краткие преамбулы, напоминающие о брошенном во втором номере призыве присылать материалы и содержащие просьбу напечатать статью, а иногда также оправдания и извинения в связи с недостаточно высоким качеством текста. Всего в данной группе семнадцать посланий.

⁴⁷ Бабёф Г. Сочинения. Т. 3. С. 126-127.

⁴⁸ Там же. С. 148.

Поскольку жанр публицистики предполагает сугубо личный подход к оценке обсуждаемых проблем, было бы вполне логично ожидать достаточно широкого разброса мнений у авторов писем данной категории. Однако все обстоит как раз наоборот. Послания очень похожи друг на друга: по большей части их авторы с некоторыми вариациями воспроизводят точку зрения Бабёфа, используя традиционные для той эпохи штампы революционного лексикона. Таково, например, безымянное письмо из третьего номера⁴⁹ или послание «врага всех тираний» Леды Р. из семнадцатого⁵⁰.

Немногим отличается от них и статья вышеупомянутого Ведере (Veidères), тоже удостоившаяся публикации у Бабёфа. Автор сравнивает революционное правительство с древнеримской диктатурой и рассуждает о свободе печати⁵¹. Интересен этот Ведере прежде всего тем, что от него дошло не одно, а целых два письма. Второе сохранилось в архиве, причем, как и ранее рассмотренная нами жалоба санкюлотки, среди авторских документов Бабёфа, поскольку тот сделал на нем свои пометы, дав название «Как утерли нос медикам без практики, или Отчаяние Дюгема» и оставив приписку «В ожидании возобновления выхода моей газеты... я буду публиковать превосходные произведения, которые доставили мне корреспонденты в то время, как я вынужден был приостановить издание...»⁵². Можно предположить, что письмо было написано в начале октября 1794 г., незадолго до разрыва Бабёфа со своим издателем Гюффруа и прекращения публикации газеты, называвшейся к тому времени «Трибун народа».

Если первое послание Ведере было написано в серьезном и спокойном тоне, то во втором гораздо больше язвительности, иронии, сарказма и вообще художественная составляющая выражена довольно ярко. Возможно, Ведере в своей интонации вольно или невольно подстраивался под Бабёфа, поскольку в поздних номерах «Газеты свободы печати» тоже нередко проскальзывают юмористические и пародийные нотки, ранее отсутствовавшие.

Заметка Б. Леблона (Leblond) «Антиробеспьеризм, или французский народ, уставший от угнетения» не нашла своего

⁴⁹ Там же. С. 43-46.

⁵⁰ Там же. С. 113.

⁵¹ Там же. С. 66-70.

⁵² РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 263. См.: Бабёф Г. Сочинения. Т. 3. С. 535.

места на страницах «Газеты свободы печати», но сохранилась в архиве. После традиционного рефрена о недопустимости угнетения народа автор выражает мнение, пожалуй, излишне оптимистичное, но довольно распространенное в то время: *«Да будет известно, что семь восьмых и больше наших представителей искренне хотят счастья народа, но убеждены, что, пока идет война, они могут выковать его счастье и сделать его довольным лишь энергичным и жестким управлением, честность, добродетельность и справедливость которого были бы базой всех их поступков. Да будет известно, что масса французского народа в основном очень добра и благонравна, и ей не нужно почти ничего, кроме хороших законов»*⁵³. Подобная идеализация народа была в тот период присуща и Бабёфу, а вот взгляд своего корреспондента на депутатский корпус он уже вряд ли разделял. К тому же Леблон, по сути дела, защищал революционный порядок управления – главный объект критики Бабёфа. *«Также я прошу тебя быть редактором этой заметки»*⁵⁴, – приписал в конце корреспондент. Возможно, он был не уверен в качестве своего сочинения.

Такую же неуверенность в литературных достоинствах своего послания выражал некий Гранж (Grange): *«Моя бездарность заставляла меня хранить молчание, но, вдохновлённый приглашением, которое ты делаешь всем, кто оберегает права человека, я беру на себя смелость отправить тебе настоящее письмо, содержащее некоторые факты, которые я наблюдал своими собственными глазами и которые есть не что иное, как предисловие к тем истинам, которые еще я собираюсь тебе высказать. Ты мог бы брать суть тех идей, которые я буду периодически сообщать тебе, и использовать их так, как считаешь нужным»*⁵⁵. Текст характеризует автора как человека не слишком хорошо образованного, поскольку не только написан с ошибками и скверным почерком, но даже не разделен толком на предложения.

Однако в стороне от политических событий Гранж явно не стоял: за время Революции он, по собственным словам, был арестован четыре раза. Основной сюжет его письма – жалобы

⁵³ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 2. Д. 548.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Оригинал: «Mon incapacité m'avait obligé a rester taisant, mais anardi par l'invitassion que tu fais a tous les survullians du droit du peuple, je m'asarde a te faire passer la presante, qui contient certains faits que j'ai vue de mes propres yeux, et quy n'est point ainsi dyre que la prefasse des verites que j'ai a te dyre, pour que tu puisse prandre la substance des ydées que je te communiquerai periodiquement, et au faire tel usage que tu croiras convenable».

якобинцев на то, после 9 термидора их подвергли угнетению. По мнению Гранжа, такие жалобщики сами – настоящие притеснители народа, *«не кто иные, как апостолы последнего тирана, которые, предвидя неизбежное падение, каждый день кричали, что их хотят убить. За этим скрывалось их собственное желание убивать и стремление избежать позорной смерти на эшафоте. Апостолы последнего [тирана], поздравляя Конвент со свержением им подобного, кричат также, что это он принуждал их к насилию против патриотов»*⁵⁶. Гранж полагал, что Конвент во времена Робеспьера не имел возможности слышать подлинный глас народа, а получал лишь строго дозированную информацию, подготовленную группой заинтересованных лиц. Автор письма призывал *«просветить народ относительно его собственных интересов, указать на них, когда кругом звучат стенания или, вернее сказать, царит панический ужас, вызванный действиями негодяя, ушедшего в небытие, – такова цель, которую должен поставить перед собой каждый гражданин»*. Обратим внимание на тезис о неспособности общества самостоятельно, без помощи «просветителей», понять свои собственные интересы – мы еще вернемся к нему.

Далее Гранж продолжал: *«Большинство департаментов еще совершенно не почувствовали благоденствия революции (10 тер[мидора]), и мне известны такие администрации, которые отказались выполнять декрет, предписывающий освободить земледельцев [из тюрем] – и эти самые комитеты еще считают, что аристократия притесняет их и хочет осуществить контрреволюцию»*⁵⁷. Неизвестно, откуда Гранж черпал свои сведения о ситуации в провинции, ведь его письмо, на котором отсутствовала обычное для корреспонденции из других городов указание «в Париж», скорее всего, было отправлено из столицы. В заключение автор, как и ранее упомянутый Леблон, выражал уверенность в лучших устремлениях и твердости Конвента⁵⁸. Письмо осталось неопубликованным.

Упоминания о кровавых кинжалах, отравленных факелах

⁵⁶ ...ses grans ericuf qui se disent etre persecutés ne sont dautres personnes que les apotres du dernier tirand qui voyant la chute inevitable criaient toujours que lon voullait l'asassiner pour faire venir lanvi a quelquen de la faire et per la separner la honte de porter la tete sur lechafaut, les apotres de ce dernier an felicitan la Convention pour la destruction de son sanblable crient aussi quil le faisait a la vexation, contre les patriotes...

⁵⁷ La majoritte des departemants n'a point santi encore le bienfait de la revolution (du 10 ter) et je an connais dont les administrations ont refusé de metre axecution le decret qui met en liberte les cultivateurs et ces memes commites creent deja que l'aristocratie les vexé et veut operer une contrevolution...

⁵⁸ Там же. Д. 540.

(torches empoisonnées), тиранических заговорах, звероподобных «сектантах» и спасенной Франции в изобилии присутствуют в письме гражданина Фремана-младшего (Fréman Junior), напечатанном в девятнадцатом номере⁵⁹. В свойственных эпохе выражениях он призывал Конвент и сограждан расправиться с оставшимися якобинцами, пока те не задушили едва-едва народившуюся свободу. Интересно, что в архиве Бабёфа имеется записка от 19 сентября 1794 г. (девятнадцатый номер газеты вышел десятью днями позднее), приложенная к несохранившейся статье. В записке говорится: «*Направляю тебе несколько строк... о жестокой системе, введенной в действие Обществом якобитов. Прошу тебя напечатать их и уступаю тебе права на них. Фримен-младший (Freeman junior)*»⁶⁰. Различие в написании фамилии удивляет: вряд ли речь идет о двух разных людях. Невозможно и утверждать наверняка, прилагалась ли записка к той статье, которая была опубликована, или к какой-нибудь другой, если Фреман-Фримен писал Бабёфу не один раз. Любопытно, что автор назвал якобинцев «якобитами»: не выдает ли это вместе с англоязычным написанием фамилии – Фримен – его британское происхождение?

По заметке гражданина Венсана «Сравнение патриота и душегуба» можно судить о том, как некоторые из участников Французской революции представляли себе идеального человека будущего. По мнению Венсана, этот истинный патриот не только любит родину и всячески содействует ее благу, но и с радостью выполняет обязанности сына, мужа и отца, заботится о слабых, уважает стариков. Злоба и мстительность ему неизвестны, однако он ненавидит врагов Отчества, а это не только те, кто сражается против нее с оружием в руках, но и люди, запятнавшие себя низкими поступками и аморальным поведением. Впрочем, перед тем, как объявить кого-либо дурным гражданином, патриот ищет тому надежные доказательства. Он не играет чужой жизнью и свободой, ему чуждо «иезуитское лицемерие, состоящее в том, чтобы маскировать преступления словом добродетель»⁶¹. Подобный образ «патриота», с одной

⁵⁹ Journal de la liberté de la presse. № 19. P. 6-8 // Journal de la liberté de la presse par G. Babeuf. An II-an III. Reimprimé d'après l'exemplaire de la bibliothèque nationale. P., Milan, 1966.

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 2. Д. 542. Оригинал: «Je te fais passer quelque lignes... pour le sisteme atroce que met en Pratique la Société jacobite. je te prie l'imprimer et t'en cede la propriété».

⁶¹ Journal de la liberté de la presse. № 24. P. 5-8.

стороны, несет в себе имплицитную критику якобинцев, которые, согласно распространенным в термидорианском дискурсе стереотипам, как раз и «маскировали преступления словом добродетель». Однако, с другой стороны, в нем просматривается и прямая преемственность с тем этическим идеалом, который пропагандировали Робеспьер и его сподвижники⁶². Любопытно также, что идеальному патриоту, согласно Венсану, должны быть чужды всяческие интриги и комбинации: он прост и чист, «как свобода». Едва ли такой патриот стал бы участвовать в «заговоре равных»...

Письмо читателя Дювивье, написанное 25 сентября и опубликованное 1 октября в двадцать первом номере, разделено на две части. В первой поднимается вопрос о введении в действие Конституции 1793 года: автор возмущен тем, что вместо столь мягкого и демократичного закона до сих пор действует революционный порядок управления. Этот террористический режим, считает Дювивье, угрожает не только жизни и свободе французов, но и их собственности. Как видим, этот читатель Бабёфа далек от каких бы то ни было коммунистических взглядов. Во второй части письма корреспондент выражает недовольство тем, что о только что происшедшем тогда покушении на Тальена – политика, игравшего при Термидоре одну из ведущих ролей в демонтаже системы Террора, – говорят меньше, чем во время Террора говорили о покушении, совершенном против Колло д'Эрбуа⁶³.

Неприязнь к Колло высказал и анонимный автор письма Бабёфу от 4 октября 1794 г. С помощью цепочки своеобразных (и довольно наивных) рассуждений он делал вывод о низменном моральном облике депутата и его причастности, наряду с Барером и Бийо-Варенном, к «партии террора». В то же время безымянный корреспондент выражал поддержку Конвенту в целом: *«Это заседание... было примечательно той энергией, которую подавляющее большинство [депутатов] проявило в поддержке принципов и [выступлении] против дезорганизаторов общества... Поведение Национального конвента было таким, каким оно должно быть всегда, – благородным, твёрдым, устрашающим заговорщика, под какой бы личиной он ни собирался предать родину»*⁶⁴. Интересно, что Бабёф тогда подобных взглядов

⁶² См.: Чудинов А.В. Французская революция: история и мифы. М., 2007. С. 226-228.

⁶³ Journal de la liberté de la presse. № 21. P. 6-7.

⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 2. Д. 549.

уже не разделял. В номере от 30 сентября можно прочесть: «Заседания Конвента являют картину скудости... молчания и ничтожества»⁶⁵.

В какой-то степени к публицистике можно отнести и письмо гражданина Дюфура, прокомментировавшего критику Бабёфом почтовой службы, не доставлявшей подписчикам его газету. Корреспондент увидел в недобросовестности почтальонов проявление «якобинского духа» и следы заговора⁶⁶. Впрочем, по мнению Г.С. Чертковой, перебои с доставкой газеты действительно могли быть результатом целенаправленных действий, правда, со стороны термидорианских властей⁶⁷.

Четвертая группа писем – сатирические и художественные тексты. Бабёф в каком-то смысле сам побудил своих читателей к сатирическим откликам на злобу дня, поместив в шестом номере газеты объявление о розыске общества, называвшегося Якобинским и некогда боровшегося за права человека⁶⁸. Неделию спустя, в двенадцатом номере появилось шуточное письмо за подписью *Кандид* как ответ на это объявление⁶⁹. Еще одно столь же ироничное послание *Кандида* увидело свет в следующем, тринадцатом номере⁷⁰.

В номере четырнадцать от 23 сентября 1794 г. также появилась сатирическая заметка в форме письма читателя. Некий «друг Одуэна и Барера» пытался оправдать политическое поведение своих «товарищей», но делал это так нарочито неуклюже, что его «оправдание» скорее походило на обвинение⁷¹. Письмо явно перекликалось с критикой Бабёфом Одуэна в девятом номере от 15 сентября⁷².

Еще одна «дружеская защита» не получила места на страницах газеты. Гражданин Меарон (Mearon) писал в своем послании о «твердом в убеждениях Бурдоне из Уазы», «честном Дюгеме» и «умилительном Луше»⁷³, но главной целью его

⁶⁵ Бабёф Г. Сочинения. Т. 3. С. 122.

⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 2. Д. 550.

⁶⁷ Черткова Г.С. Указ. соч. С. 52.

⁶⁸ Бабёф Г. Сочинения. Т. 3. С.57-58.

⁶⁹ Там же. С. 89-90.

⁷⁰ Там же. С. 95.

⁷¹ Там же. С. 96-97.

⁷² Там же. С. 71-74. П.Ж. Одуэн – депутат Конвента, редактор газеты *Journal universel*. После 9 термидора защищал позиции якобинцев, за что подвергся критике со стороны Бабёфа. Б. Барера обвиняли в связях с контрреволюцией и ставили ему на вид прежнее членство в клубе фельянов.

⁷³ В оригинале: N'at'on pas cherché à nourir l'invariable Bourdon d'Oise, l'honnête Duhem, l'attendrinant louchet et tant d'autres?. П. Ж. Дюгем и Луше – депутаты Конвента, отстаивавшие после Термидора принципы революционного правительства. Ф.Л. Бурдон также воспринимался как якобинец, поскольку открыл 11 термидора закрытый было Якобинский клуб.

сатиры был Каррье, суд над которым привлек тогда широкий общественный интерес: «Наплюй на памфлетистов, этих политических и литературных крыс, старающихся подорвать и испортить репутацию, которую они сами никогда не смогли бы приобрести, и [опорочить] должности, которых они никогда не получат: будь уверен, что представитель народа, которого по возвращении встречают клеветой, бывает вполне вознаграждён благодарностью департаментов, проводивших его с сожалением; какие же плоды ты надеешься пожать?.. Я слышу нимф Луары, они благословляют тебя, о Каррье! (завятые клеветники, не смейте думать, будто [они благословляют его] за то, что он наполнил народом их дома). Продолжай, Каррье, их ограниченному уму невдомек, что значит по-настоящему управлять. Я же тут, чтобы защитить тебя»⁷⁴.

Имелись среди корреспондентов Бабёфа и поэты. Так, в шестнадцатом номере было опубликовано анонимное стихотворение «Чудовище Киферона, или О превращении охвостья Робеспьера в змей», где говорилось о мифическом монстре, наводившем ужас на древнегреческий город Киферон. В конце концов чудовище было побеждено, но обрубки его тела превратились в ядовитых змей, не дававших покоя жителям. Античные декорации не мешали увидеть намёк на «террористов», сохранивших свои места в Конвенте и после 9 термидора⁷⁵. Предваряющие текст слова Бабёфа о приходящей к нему почте и намерении печатать все поступающие в редакцию свидетельства ненависти к якобинцам наводят на мысль о том, что стихотворение принадлежит не его перу. Того же мнения придерживались публикаторы сочинений Бабёфа на русском языке: «Чудовище Киферона» не стали переводить⁷⁶.

Второе стихотворение, весьма остроумное, но тоже без указания автора, сохранилось в рукописи. В подстрочном переводе оно выглядит так:

Во все времена существовало твердое правило:

⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 2. Д. 545. В оригинале: «Meprise ces pamphletaires, ces rats politiques et literaires qui cherchent à ronger et dénaturer une réputation qu'ils ne pourront jamais atteindre et des emplois qu'ils ne gagneront jamais: persuade-toi qu'un représentant missionnaire qui pour toute récompense est accueilli à son retour par la calomnie est bien dédommagé, par les bénédictions des Départemens qui tout vû partir à regret; quelle moisson alors n'un dois-tu pas espérer?.. J'entends les Nymphes de la Loire elles te benissent ô Carrier! (calomniateurs insignes, n'allez pas croire que c'est d'avoir peuplé leurs demeures) Continue, Carrier, leur esprit rétréci ne sait pas ce que c'est que de gouverner en grand: jésuis-là pour te défendre».

⁷⁵ Journal de la liberté de la presse. № 16. P. 7-8.

⁷⁶ Бабёф Г. Сочинения. Т. 3. С. 109.

*Бог не мог противоречить сам себе,
И несмотря на всё своё могущество, он никогда не мог
сделать так,
Чтобы круг был квадратным, или чтобы гора
Была одновременно и плоской, и высокой, и холмом, и
равниной.
Сегодня же – о, какое дьявольское или божественное
чудо! –
Нет ничего более низменного, чем известная Гора⁷⁷.*

* * *

Чем дальше, тем чаще на страницах «Газеты свободы печати» высказывалась мысль о том, что существуют не только бесчестные манипуляторы общественным мнением, но и друзья народа, направляющие это мнение на истинный путь.

Впервые соответствующая формулировка появляется в седьмом номере: «Вместо того, чтобы рабски ползти за мнением (эскортируемым террором и гильотиной) еретических сектантов... нужно, чтобы все мы, свободные писатели, всегда были по крайней мере на шесть месяцев впереди сегодняшнего общественного мнения... Народу надлежит постоянно иметь мудрых аргусов, наблюдателей столь же пронзительных, сколь и откровенных, которые извещали бы его о грозящих ему опасностях, которые в текущий момент всегда показывали бы ему то, что он сам увидит лишь шесть месяцев спустя»⁷⁸.

Порой высказывания этого «аргуса» звучат слишком самонадеянно: «Я заявляю, что мне нужно больше одного дня, чтобы дать Общественному мнению возможность вынести суждение обо всем множестве преступлений, совершенных правительством децемвиров»⁷⁹. Электоральный клуб разделял позицию Бабёфа: в двенадцатом номере сообщалось, что «общество выбрало комиссаров, которые должны были отправиться в места общественных собраний, чтобы просветить общественное мнение, введенное в заблуждение»⁸⁰. В номере восемнадцать говорилось: «Все можно сделать с помощью

⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 2. Д. 547. В оригинале: Ce fut dans tous les tems un principe certain / Que Dieu ne sauroit être à lui même contraire / Et malgré sa puissance il ne put jamais faire / Qu'un cercle soit quarré, ou qu'un mont souverain / Soit et plat et sublime et colline et campagne. / Aujourd'hui quel prodige infernal ou divine / Voit-on rien de si bas que certaine Montagne.

⁷⁸ Бабёф Г. Сочинения. Т. 3. С. 62.

⁷⁹ Там же. С. 87.

⁸⁰ Там же. С. 90.

общественного мнения, если направить его к определенной системе». В двадцать первом номере Бабёф объяснял упадок интереса к делу свободы «равнодушием к советам нынешних просветителей»⁸¹

Подобный взгляд на вещи парадоксальным образом сближал Бабёфа с якобинцами, которых он так яростно критиковал. Говоря о свободе печати, он отнюдь не защищал свободы мнений и не пропагандировал их многообразия. Как и для Робеспьера, для Бабёфа существовали лишь истина и заблуждение, ложь и противостоявшая ей правда, носителем которой он себя считал. Правильное мнение требовалось внушить народу для достижения им счастья. Народ добр, един, обладает верховным суверенитетом, но пока не осознаёт своих истинных нужд, поэтому просветитель должен «за ручку» подвести его к Истине.

Можно ли говорить о том, что письма читателей в какой-то мере разочаровали Бабёфа в аналитических и творческих способностях масс? Полагаю, можно. В конце шестнадцатого номера он написал: «Я получаю множество сочинений, направленных против якобинцев, как в стихах, так и в прозе. В некоторых из них больше горечи и страсти, чем доказательств и рассуждений. Если бы все мои корреспонденты усвоили мою манеру вести бой, они постарались бы убивать наших общих врагов исключительно фактами, сопоставленными с нарушениями принципов»⁸². В дальнейшем Бабёф будет публиковать письма не как публицистические заметки, а лишь как свидетельства ненависти народа к наследникам Робеспьера. Забытый раздел «Температура общественного мнения» сменится менее претенциозной рубрикой «Продолжение документов о якобинцах».

В двадцать седьмом, последнем номере, выпущенном накануне разрыва с Гюффрау и окончательного перехода Бабёфа в оппозицию термидорианскому режиму, представление о народе как о наивном объекте борьбы «друзей» и «врагов», объекте агитации и контрагитации, выражено наиболее ярко: «Если, чтобы узнать, находится ли общество в состоянии сильной лихорадки, вы остановите ваши взоры на многочисленном классе, недостаточно образованном, чтобы размышлять, чтобы уметь разобраться в самых хитроумных софизмах... по безмятежному спокойствию этих простых людей, способных увидеть обман и

⁸¹ Там же. С. 127.

⁸² Там же. С. 109.

обманщиков лишь после того, как небольшая часть прозорливых граждан просветила их неотразимыми доводами, вы тоже не могли бы судить о степени грозящей вам опасности... Нет, только к вам, люди, истинно свободные и умеющие думать о принципах... к вам одним надо обращаться, чтобы узнать, до какой точки дошло сегодня развитие кризиса...»⁸³.

* * *

Антиякобинская позиция Бабёфа осенью 1794 г. может показаться странной, только если рассматривать ее сквозь призму распространенного стереотипа о Робеспьере как центральной фигуре Французской революции и единственном воплощении «демократизма». Робеспьер и при жизни, и после смерти имел множество политических оппонентов, в том числе среди радикалов и городских «низов». В свою очередь, и у Бабёфа для того, чтобы не одобрять робеспьеризм, было немало причин, подробный перечень которых, как уже отмечалось, представлен в работах историков, занимавшихся указанным периодом биографии Трибуна народа.

Тем не менее Бабёф был сыном своего времени, и его критика «террористов» не выходила за рамки якобинского дискурса. Он, подобно якобинцам, верил в существование единой народной воли, неизменно направленной к общественному благу. Однако, начав с создания демократической газеты, призванной стать общедоступной трибуной для выражения общественного мнения – «воли народа», Бабёф постепенно начинает все чаще писать о несамостоятельности народа, которому настоятельно необходимы «просветители» и «вожди». Предположу, что причиной такой перемены отчасти могли стать приходившие в редакцию письма, разочаровывавшие своей вторичностью, наивным и порою довольно корявым пересказом в качестве собственного «мнения» мыслей, ранее вложенных в головы читателей самим же Бабёфом, слепой верой в доброту Конвента и крайне низким уровнем общей культуры корреспондентов. По мере утверждения в мысли о том, что народ, подобно ребенку, нуждается в руководителе, идея революционной диктатуры казалась Бабёфу все более привлекательной.

⁸³ Там же. С. 169.